

С детства меня необъяснимо притягивали кладбища. Возможно, потому, что мой любимый дядя жил около московского Новодевичьего кладбища, и я, почти каждое лето приезжая к нему в Москву на каникулы, много времени проводила там. На всю жизнь сохранился запах цветов, которых так много было на этом кладбище в 1950–1960-х годах, почему-то запомнились скульптурные портреты детей, умерших в младенчестве и огромные фигуры-памятники, возводившиеся тогда героям советского времени. Мне нравился и памятник замечательному певцу Собинову, где на пьедестале в изысканной позе застыл большой умирающий лебедь, и изящная решётка, обрамляющая памятник А.П. Чехову, и классические памятники П.М. Третьякову, В.В. Маяковскому и многие другие творения... Помню, как поразила меня выцарапанная гвоздем надпись «палач» на камне, под которым лежал Ульрих.

Позднее мне стало известно, что это он подписывал расстрельные документы.

Особенно долго всегда сидела я у памятника жены И.В. Сталина, – Надежды Аллилуевой, который тогда находился обособленно от других могил на пустой довольно большой площадке, сегодня «занятой» могилами Аллилуевых. Возможно поэтому, несмотря на небольшие размеры, он казался выше и величественней, чем сегодня. Помню, что это захоронение и витающая вокруг него аура создавали тревожную атмосферу. Тогда ходили

разные слухи о смерти молодой жены вождя, но точно никто ничего не знал. Сам памятник представлял из себя стоящую у края раковины стелу, из которой сверху как-бы «выходила» смотрящая вниз головка в профиле с тонкой кистью руки прекрасной молодой женщины. Стела и раковина были из чёрного габро. Из того же материала было сделано небольшое возвышение в раковине, на которое была небрежно брошена белая роза. Проточная вода скрывала это возвышение, и создавалось впечатление, что роза плавает в воде.

Я впервые увидела этот памятник на следующий год после смерти Сталина. Вокруг могилы всё было ухожено: площадка и приходившие к ней дорожки были посыпаны светлым песком, с каждой стороны стояли скамейки, а по углам площадки стояли прожектора. Помню, что я подолгу сидела на скамейке и, как зачарованная, смотрела на склоненную головку и брошенную перед ней белую розу.

Очевидно, мои ежедневные посещения заинтересовали служительницу. Однажды она под села ко мне, и рассказала, что прожектора здесь появились в последние годы жизни Сталина. Он приходил сюда ночью через особую дверь в стене, тогда ещё существовавшую, но позже заделанную, и подолгу сидел перед могилой жены. Памятник, не сегодняшней, зажатый со всех сторон другими захоронениями, без воды и розы, а тот, который был в середине 1950-х, запечатлелся на всю жизнь.

Целые дни я пропадала на этом кладбище. До сих пор его неповторимый, особенный запах, который изредка перебивался лишь огромными букетами разноцветных флоксов, не отпускает меня. Нет-нет, да всплывают в памяти и запомнившиеся более поздние могилы: гармоничный памятник Вертинскому, памятник-сценка сидящему на скамейке Юрию Никулину со своей любимой собакой, лежащей у его ног, и совсем недавно «вставшая» рядом с ним в привычной балетной позе на фоне занавеса из белого мрамора гениальная балерина Галина Уланова.

Помню, как меня поразила смерть молодого русского красавца-богатыря, актёра Урбанского. Он снимался в одном из фильмов, где по непроходимым российским дорогам нужно было вести грузовую машину. Актёр в силу своего характера и воспроизводимого им образа отказался от дублёра, и сам вёл машину. Не помню точно, то ли отказали тормоза, то ли он не справился с управлением, но, когда Урбанский вёл машину под гору, она перевернулась, и он погиб. По-видимому, его смерть затронула многих – он был похоронен на Новодевичьем кладбище. По приезду в Москву, я навестила эту могилу. Она полностью соответствовала сложившемуся в кинематографе образу актёра.

Проходили года, в суматохе повседневной жизни мне всё реже приходилось бывать на Новодевичьем кладбище...

Но вот, однажды, на глаза мне попала газета с большой статьей о русском кладбище в Париже – Сен-Женевьев-де-Буа. С волнением я читала о том, что на этом кладбище похоронены замечательные русские люди, составлявшие гордость дореволюционной России. Они вынуждены были стать эмигрантами из-за событий 1917 года. В газете подробно описывалось, как они тосковали по России за границей, как мечтали попасть снова на Родину, чтобы навсегда остаться на родной земле, и как не суждено было этому сбыться. С тех пор в моей душе затаилась мысль хоть одним глазком увидеть могилы похороненных там русских, и сказать им, что о них помнят на родине, и многие подсознательно ощущают вину за неисполнение их последнего желания.

Я понимала, что поездка за рубеж несбыточна, по крайней мере, для меня, так как тогда я работала в военно-промышленном комплексе и была «невыездная». Но, как верно подмечено, когда знаешь, что нельзя, почему-то ещё больше именно этого хочется. Я буквально бредила мечтой побывать в манящих открыточными красотами странах, неоднократно видела их во сне. Очень хотелось посетить Италию, Францию. Особенно привлекал Париж, может быть, из-за того, что там находилось Русское кладбище, где были похоронены носители старой петербургской культуры. Так хотелось побродить среди их могил...

Возможно, кто-то сверху проникся моими желаниями и мечтой, потому что наступило время, когда это стало возможно! Я сразу же купила пятидневную путевку в Париж с затаённой надеждой осуществления своего желания. Собственно, это и являлось главной целью поездки. Это случилось в 1994 году. Незадолго перед этим, в конце 1993 года, умер талантливейший, скандально прославив-

шийся невозвращением на родину, солист бывшего театра оперы и балета имени С.М. Кирова, ныне – Мариинского – Рудольф Нуреев. У него осталось много поклонников на Родине, его помнили, и просили меня, если удастся попасть на кладбище, посетить его могилу.

Известно, что пятидневная поездка фактически оборачивается лишь трёхдневным пребыванием за границей, так как для осмотра выпадают дни приезда и отъезда. И, тем не менее, я твёрдо знала, что, во чтобы то ни стало, побываю на Русском кладбище под Парижем. Нужно добираться на электричке, которая редко ходит в том направлении, а потом ждать автобуса, или около двух часов идти до кладбища пешком.

И вот я перед входом в Сен-Женевьев-де-Буа! Затаив дыхание, пересекаю ворота, исполненные в чисто русском стиле с летающими ангелами и изображением Христа. Вхожу в небольшую часовенку, построенную по проекту архитектора Альберта Бенуа. Здесь всё своё, русское: иконы, оклады... и непередаваемая жалость к русским патриотам, жившим во Франции, но пожелавшим защищать Россию в 1940-х годах от немцев. Они обратились к советскому командованию, которое разрешило им выезд, и уже в России их безжалостно расстреляли. Имена этих юношей-патриотов запечатлены на стеле в часовне. Рядом всегда живые цветы. С волнением прохожу дальше к могилам. Вот простая большая плита на могиле с православным крестом. Здесь похоронена балерина Матильда Кшесинская. Она лежит вместе со своим мужем, великим князем Андреем Владимировичем и сыном Владимиром Андреевичем. Могила Андрея Тарковского вся в цветах. Рядом на камне высечены слова: «Человеку, который увидел ангела». Здесь и дочь медика С.С. Боткина, расстрелянного вместе с царской семьей, и могилы художников К.А. Сомова, К.А. Коровина, М.В. Добужинского, З.Е. Серебряковой, писателей: И.А. Бунина, супругов Д.С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, семьи князей Юсуповых, Голицыных, Воронцовых-Дашковых, Мордвиновых...

Особое место занимают могилы военных. Их много, и все они находятся поблизости друг от друга. Вот простой камень казакам с надписью: «Казакам – сынам славы и воли», памятник-пирамида из белого камня. На этом памятнике выведено: «Генералу Корнилову и корниловцам, Колчаку и всем морякам Российским, павшим за Родину и на чужбине скончавшимся. Генералу Маркову и всем Марковцам». Рядом целые поляны беломраморных крестов и надгробий погибшим корнетам и гардемаринам... Невольно вспоминаются слова Роберта Рождественского:

*Здесь похоронены сны и молитвы,
Слёзы и доблесть; «прощай» и «ура!»,
Штабс-капитаны и гардемарины,
Хваты-полковники и юнкера.
Белая гвардия, белая стая,
Белое воинство, белая кость.
Влажные камни травой зарастают,
Русские буквы – французский погост...*

Теплотой и добром веет от простого памятника со словами: «Софья Михайловна Остроумова. Няня и друг княгини Марии и графов Романа, Михаила, Александра, Иллариона Илларионовичей Воронцовых-Дашковых».

Современное захоронение Рудольфа Нуреева (17.03.1938–06.01.1994) находилось в конце кладбища. Тогда, в 1994-ом, могила состояла из двух мраморных плит, положенных друг на друга и стоящей перед ними стелы с фотографией покойного. Помню, что могила была буквально завалена живыми цветами. Только это и выделяло её, а по оформлению какого-то особого впечатления тогда она не производила.

Но вот, в 1997 году я снова приобрела путёвку в такую же туристическую поездку в Париж, и опять пришла на Русское кладбище. Всё было так и не так. Когда я подошла к месту могилы Нуреева, я застыла поражённая и ослеплённая ярким сверкающим на солнце ковром, исполненным из кусочков смальты. Это был совсем другой памятник знаменитому танцору. Он состоял из постамента чёрного мрамора, на котором возвышался гроб с небрежно положенным на него ковром. Превосходно исполненный ковёр имел чёткий, характерный для южных народов рисунок с введённой символикой Христа и большим крестом в самом центре. С двух

сторон ковёр заканчивался натурально исполненными кистями. Рядом с ковром на постаменте стояла фотография Нуреева, изображавшая его в полёте и рядом надпись золотом на русском и французском языках: «Рудольф Нуреев 1938–1993». Памятник пора-

жал буйством и богатством красок и тем очень резко выделялся среди остальных захоронений. Казалось, здесь торжествовала яркая жизнь!

Спустя некоторое время по приезде в родной Петербург я оказалась на Литераторских мостках Волковского кладбища, где открывался памятник певице Галине Ковалёвой. Она обладала уникальным голосом, в котором звучали «серебряные колокольца». Кто хоть раз её слышал, вряд ли забудет. Галина Александровна всю жизнь проработала в любимом Кировском театре, несмотря на то, что были неоднократные попытки московского руководства и правительства перетащить её в Москву, где ей обещали «золотые горы», во время редких поездок за рубеж ей неоднократно предлагали остаться, но она неизменно отказывалась...

На открытие собрались почти все актёры Мариинского театра во главе с главным дирижёром Валерием Гергиевым. Когда открыли памятник, раздался восторженный возглас толпы. Перед взорами присутствующих предстал изысканный занавес Мариинского театра в пастельных серебристо-серых и голубых тонах, накинутый на широкую стелу с высеченной на ней предельно простой надписью: «Галина Ковалёва». За сразу бросающимся в глаза занавесом поначалу не была замечена композиция всего памятника. Всё в целом удалось рассмотреть лишь после того, как я осталась одна. Передо мной находилось настоящее произведение искусства. Когда стоишь перед памятником на дорожке, создаётся впечатление, что ты находишься в партере. Занавес расположен выше, на сцене, куда ведут невысокие ступени. По углам, как дань великой певице, расположены урны с цветами. Рассматривая памятник в целом, я ещё и ещё раз возвращалась к ажурному, будто кружевному занавесу в пастельных тонах из смальты. Всё было задумано и исполнено великолепно! Здесь царит настоящая гармония. Чувствуется, что создатель этого произведения вложил в него свою душу.

Всё прояснилось, когда я узнала, что творец этого чуда – су-

пруг певицы, – замечательный архитектор, создатель уникальных архитектурных произведений, в числе которых – проекты по воссозданию комплекса Новая Голландия и Особняк Штиглица – Вениамин Фабрицкий! В памятнике сошлись талант архитектора и увековечена преданность певицы городу на Неве!

Когда я уходила с кладбища, перед моими глазами вдруг всплыл парижский памятник Нурееву. И подумалось, что в этих двух, таких непохожих, и в то же время схожих, так как исполнены с применением одного материала – смальты, памятниках, – сама суть городов Парижа и Санкт-Петербурга!

Париж – это всегда кипящая жизнь, рвущийся наружу блеск и веселье. Это город-праздник, который так хорошо ассоциируется с памятником Нурееву.

Изысканный памятник Ковалёвой олицетворяет величественный Санкт-Петербург с его серебристо-серой гаммой, изысканной гармонией и внутренней духовностью.

Санкт-Петербург